

Из аудиозаписи судебного заседания: беседа с экспертом

Представитель: В заключении, которое представлено было в суд, вы (я имею в виду всех экспертов) пишете, оценивая И., что она «строит реалистичные планы без учета реальных возможностей». Можете пояснить, что это значит?

Эксперт: Это про психическое состояние? Это психолог указывает эту фразу.

Представитель: А психолог – это не одно из лиц, оказывающих консультацию?

Эксперт: Нет. Это консультативное было. Вот к психологу решили за помощью обратиться. Я не могу пояснить эту фразу про «учет реальных возможностей».

Представитель: Понятно. А как вы можете оценить планы И.? По данным экспертизы и из материалов дела следует, что она сейчас трудоустроена в психоневрологическом интернате, работает уборщицей. Хочет работать уборщицей в городе, хочет пройти курсы подготовки по профессии парикмахера, например, работать. Хочет восстановить дееспособность, но сначала прийти за ограниченной, потому что ей кажется, что это более целесообразно: сначала, если недееспособная, ограничить дееспособность, потом посмотреть дальше. Она говорит, что пока собирается жить в ПНИ, потому что у нее конфликтные отношения с матерью, которая живет в квартире, где у нее есть право проживания. Почему из совокупности этих всех высказываний и соображений И. делается вывод о том, что она не учитывает свои реальные возможности, что ее планы какие-то нереалистичные и странные? Разве вам не кажется, что планы реалистичные?

Судья: Мы снимаем этот вопрос. Эксперт только что сказал, что это не он давал такие пояснения.

Представитель: То есть вы за часть, касающуюся психологического исследования в экспертизе, не беретесь?

Эксперт: Нет. Дело в том, что мы, безусловно, принимали решения все вместе, и то, что заметила психолог, нам тоже помогло вынести заключение. Но именно эту ее фразу я пояснить не могу, к сожалению.

Представитель: Вам планы И. представляются реалистичными?

Эксперт: Вполне. Мне кажется, что касательно ее планов, которые она высказывала, вполне реалистичные.

Представитель: Спасибо большое. Дальше. Из материалов заключения экспертизы следует, что частота госпитализаций значительно снизилась. Начиная с 2011 года не было госпитализаций вообще, а в 2019 году была госпитализация для коррекции терапии по ее собственному обращению. При том, что до этого, с 2004-го, 2007-го года практически непрерывные были госпитализации, непрерывное пребывание в психиатрических больницах. Точно так же, если была какая-то массивная алкоголизация, то сейчас очевидно, что не употребляет,

хотя бы в силу того, что живет в ПНИ. Кроме того, прошла курсы реабилитации именно от алкогольной зависимости. Прошли реабилитационные занятия. Почему тогда эксперты говорят о том, что нарушение интеллектуально-мнестических функций нарастает и заболевание протекает прогрессивно (проявления нарастают)? В чем видится нарастание проявлений, если из материалов дела следует, что, в общем-то, дело лучше стало?

Эксперт: Я хочу обратить ваше внимание на то, что с 2011 года И. находилась в условиях психоневрологического интерната, где, во-первых, она получала лечение, а во-вторых, была изолирована от внешнего мира, не могла свободно покупать алкогольные напитки, встречаться со своими знакомыми, которые порой вызывали у нее желание выпить совместно. Поэтому судить о том, что она в последнее время стала меньше госпитализироваться и вести себя более социально, по-моему, в условиях ПНИ (сравнивать с обычной жизнью) – это не очень правильно.

Представитель: Но эксперты же говорят не о том, что состояние стабильно в связи с ситуацией социальной депривации в ПНИ. Эксперты говорят, что нарастают нарушения интеллектуально-мнестических функций, прогрессивный характер течения заболевания. На чем основаны эти выводы? В разделе «Выводы», например, 9-я страница: «Течение заболевания носило хронический прогрессивный характер. При выявленном в настоящем исследовании снижении...»

Эксперт: Здесь просто речь идет о том, что не когнитивные нарушения носят прогрессивный характер, а вообще течение заболевания в целом. Оно состоит из когнитивных нарушений и эмоционально-волевых. Но в данном случае речь идет о прогрессирующей социальной дезадаптации, поскольку она находится в условиях ПНИ, должна быть изолирована от внешних грехов каких-то, а тем не менее продолжает употреблять алкогольные напитки, вести себя агрессивно и конфликтно по отношению к окружающим, конфликтовать с матерью. Но как-то, более или менее, нарастают теплые отношения с дочерью. На данный момент, мы заметили, что, возможно, И. находится на пути к социализации, но на данный момент степень ее пути еще такова, что, по нашему мнению, не способна она проживать самостоятельно, даже будучи ограниченной в своих гражданских правах.

Представитель: Я хочу обратить внимание, что **перед экспертами не ставился вопрос, может ли она проживать самостоятельно или не может.** Другой вопрос ставился, извините. Но, тем не менее, вы предвосхитили фактически мой вопрос. Получается, что вы в своей экспертизе ссылаетесь на слова заинтересованного лица К., то есть, матери И., о том, что были очень конфликтные отношения, что она пьянствовала, что К. не верит, что И. изменилась. И, видимо, эти слова матери тоже повлияли на вывод экспертов.

Эксперт: Безусловно. Обычно в нашей практике родственники как раз встают на сторону своих детей и поддерживают их. А в данном случае ситуация как раз говорит не в пользу И., поскольку настолько конфликтные отношения выстроены. Они на данный момент не восстановлены, и мама является ее

противницей, говорящей о том, что она не считает, что дочь изменилась. Это для нас было тоже веским доводом.

Представитель: Изучали ли эксперты, раз это положено в основу экспертизы, историю взаимоотношений подэкспертной со своей матерью? Как часто они встречаются, например, было ли известно экспертам? Как часто они общаются?

Эксперт: Не была предоставлена история, поэтому не изучали.

Представитель: Понятно. Тогда следующий вопрос. Вы пишете, что у И. снижено критическое осмысление и нарушены прогностические способности. Тем не менее, как следует из материалов, И. признает наличие заболевания, признает лечение, признает факты своего неадекватного поведения в прошлом. В чем выражается снижение критических способностей в данном случае?

Эксперт: Критических способностей к заболеванию: отмечается что И. высказывается по этому поводу весьма неопределенно. Она признает то, что было в прошлом, но при этом она склонна скрывать некоторые факты, которые имеют место в настоящем времени и негативно отразились бы на ее характеристике.

Представитель: Например?

Эксперт: Например, алкоголизацию. Например, конфликтные отношения с окружающими в ПНИ, где она проживает уже на протяжении десяти лет и при этом продолжает хамить медперсоналу, вести себя агрессивно по отношению к более слабым больным.

Представитель: Информацию об этих фактах вы получили на основе истории болезни?

Эксперт: Мы делаем на основании всех фактов, которые к нам поступили. Какой-то один факт не ложится в основу заключения, ложатся все в совокупности.

Представитель: Извините, но поведение И. внутри интерната вы можете оценить только на основании выписок из истории болезни из интерната. Вы же свидетелей не допрашивали, других же источников у вас нету?

Эксперт: У нас есть медицинская документация, на которой мы и основываемся, прежде всего. Она считается объективными данными, которые описывают люди о том, как человек себя ведет. Обычно, кстати, таких сведений мы в медицинской документации вообще не встречаем, то есть, очень формально пишут. А тут, в этом случае, мы встречаем такие вопиющие записи о плохом поведении.

Представитель: А что касается нарушений прогностических способностей?

Эксперт: Это способность прогнозировать свои действия в дальнейшем. И вот если она снижена, то могу пояснить, в чем это, на наш взгляд, выражается. В том, что, будучи восстановленной, хотя бы частично, в своих гражданских правах, насколько И. сможет самостоятельно избегать. И тот факт, что она находилась более десяти лет в условиях частичной изоляции от общества, насколько она, при своем имеющемся заболевании, при снижении интеллектуально-мнестическом, при эмоционально-волевых нарушениях, которые порой мешают отдавать правильно отчет своим действиям, – насколько она сама способна ко всему этому?

Представитель: Но на основании каких конкретных фактов делается вывод о том, что у нее снижены прогностические способности?

Эксперт: На основании того, что она не до конца всю ситуацию расценивает правильно, на наш взгляд.

Представитель: Тогда правильно я понимаю, что исследование памяти с использованием мнемограммы – это тоже часть психологического исследования? Это не вы проводили?

Эксперт: Мы.

Представитель: Не психиатры. Хорошо. А скажите, ведь в материалах дела гражданского к заявлению был приложен выписной эпикриз из психиатрической больницы №1 имени Алексеева, где И. проходила реабилитацию в отделении психосоциальной работы в течение почти полугода? И в этой выписке, которая подписана А. В Шмиловичем, нет никаких отсылок ни на конфликтное поведение, ни на нарастание каких-то нарушений. Наоборот, написано, что состояние относительно стабильное, аффективный фон ровный, в общении держится доброжелательно, значимой продуктивной симптоматики не обнаруживает (это и нашими экспертами подтверждается), суицидальные мысли отрицает. Вам не кажется, что этот выписной эпикриз, который подписан из вашей же больницы, – противоречит заключению вашему, которое говорит о высокой конфликтности, нарастании нарушений?

Эксперт: Дело в том, что вы не дочитали до конца фразы. Объективный фон ровный, держалась доброжелательно. Далее, была эмоционально уплощена. Мышление было диссоциировано с элементами разноплановости, паралогичности, нарушениями целенаправленности. Как вам этот вариант?

Представитель: Да, я согласен. Но, тем не менее, здесь не говорится о конфликтности, агрессивности, социальной дезадаптации – ничего такого нету.

Эксперт: А говорится о том, что вообще психическое состояние в целом определялось выраженными мотивационно-волевыми нарушениями. То есть, как раз нарушения эмоционально-волевой сферы во всем выражены. И это обязательно мы тоже рассматриваем. Там характеристики несколько своеобразные. Одна из них совершенно ровная, вообще не отмечающая никаких нарушений. А другая плохая, с большим количеством. То есть их явно писали разные люди, которые имели разные взгляды свои на этот вопрос. Тем не менее, вот такие моменты, причем на 2019-й год отмечались, которые мы тоже не могли не учесть в своем заключении.

Представитель: Хорошо. Можно ли сказать, что у И. отсутствуют выраженные негативные расстройства?

Эксперт: Нет, такого утверждать нельзя.

Представитель: Они присутствуют?

Эксперт: Имеется в виду не продуктивная, а негативная психотическая симптоматика в виде эмоционально-волевого дефекта? Он формируется. Нет, так сказать нельзя.

Представитель: Понятно. Хорошо. Скажите, пожалуйста, а сколько примерно времени проходило обследование И.?

Эксперт: С утра она приехала, написано с 9 до 11. Там еще психолог работала. Наверно больше 3-х часов. Приблизительно в 9.15 началось. Сначала беседую я, потом И. пошла на комиссию. Мы, скажем откровенно, немножечко сомневались, как решать, потому что случай не самый был вопиющий. И показалась она нам во время всей беседы с ней довольно хорошей, с хорошей стороны себя представила. И мы решили показать ее психологу, потому что зачастую во время беседы невозможно выявить то, что вылезает в психологических тестах, то, что подэкспертный скрывает, но вылезает в тестах подспудно. А я тем временем изучала медицинскую документацию. И потом на комиссии, когда мы все это вместе обсуждали и посмотрели на то, что там написано – не очень хороший прогноз уже в медицинской документации, присоединив к этому заключение психолога, получилось, что склонились в пользу того, что на данный момент.

Представитель: Спасибо. Вопросов к эксперту у меня больше нет.

Судья: У заинтересованных лиц есть вопросы? Представители опеки.

Опека: Спасибо вам огромное.

Представитель: Ваша честь, один маленький вопрос, технический. А вы можете сказать, как звали психолога, который консультировал, проводил психологические исследования?

Судья: Не могу сказать.

Представитель: То есть, там привлекается какой-то из психологов?

Эксперт: Наши психологи, которые находятся в нашем отделении. Но они не входят в число членов комиссии, поскольку экспертиза назначалась однородная, а не комплексная.

Представитель: То есть вы сейчас даже не помните, кто это был?

Эксперт: Не помню.